

европа

ЕГО ИДЕОЛОГИЯ

Алексей Чадаев

Алексей Чадаев

Путин. Его идеология

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=165970
Путин. Его идеология: Европа; М.: 2006
ISBN 5-9739-0040-1

Аннотация

Первая попытка разбора идеологии Президента Владимира Путина, опирающаяся на его действия и слова. Алексей Чадаев – известный интеллектуал, член Общественной палаты – исследует доктрину лидера, повлиявшую на чувства нации больше, чем на ее поведение. История смены ролей, от «президента надежд» – к лидеру строительства новой нации. Тексты путинских посланий и их смысловой анализ дополняют авторский текст.

Книга рассчитана на специалистов и изучающих политическую науку. Рекомендуется для систем партийной учебы.

Содержание

ИЗУЧАТЬ ПУТИНА?	4
ВВЕДЕНИЕ. КРАТКИЙ КУРС ПО УПРАВЛЕНИЮ ГОСУДАРСТВОМ	6
ВОЗМОЖНОСТИ ДОКТРИНЫ	8
РОЖДЕНИЕ ДОКТРИНЫ	10
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ	16
ЧТО ЗАЩИЩАЕТ ПУТИН	16
ВОССОЗДАНИЕ СУВЕРЕНИТЕТА	19
ДЕМОКРАТИЧЕСКИЙ СУВЕРЕНИТЕТ	19
ИМПОРТ И ЭКСПОРТ	20
ЯДЕРНЫЙ СУВЕРЕНИТЕТ	21
СМЕНА РЕЖИМА	23
УКРАИНСКИЙ КАЗУС: источник ВЛАСТИ	25
ЧАСТЬ ВТОРАЯ	27
СОБСТВЕННАЯ МОДЕЛЬ	27
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Алексей Чадаев

Путин. Его идеология

ИЗУЧАТЬ ПУТИНА?

Эта необычная книга – о государственной философии Путина. Точней, о драме ее формирования. Раньше такие книги именовали биографиями мысли или историями идеи. В данном случае речь о политической идеологии.

Русская история считается безыдейной лишь потому, что так проще для ее наблюдателей. И Путин, большой хитрей, долго уклонялся от выявления своих позиций и ценностей. Неопределенность доктрины была его защитой. Политик не располагает доктриной, пока не к чему ее применить. Политик не располагает идеологией, пока не возьмется решать за других. Путин приобретал знание о государстве по ходу самого государственного строительства, к участию в котором он был призван.

Власть, которая якобы у него была, на самом деле с трудом и по мелочи извлекалась из недр мятежного общества. Путинская *вертикаль власти*, если вдуматься, похожа на скважину бурения для добычи нефти из глубинных пластов.

Путин не уйдет, не выполнив своей национальной задачи. Проблема в том, что основную массу задач ему диктует простая нехватка. Система Путина испытывает дефицит политических инструментов для работы с теми именно группами, которые она же порождает и активизирует. Путин играет, как кажется, в одиночку, а на российской сцене все больше невыразительных новых актеров, наливающих силой. Сторонникам президента легко представить себе ситуацию, когда им придется защищать своего лидера, а не искать у него защиты. Сумеет ли преемник воспользоваться лидерским ресурсом Владимира Путина? Кто не предъявляет идейных оснований господства, тот не докажет и своих прав на него и выбудет из списка правящих. В современном мире тупое властвование не имеет перспектив. Выборы 2007–2008 годов в России создадут мировую державу с общепризнанной легитимностью, – а если этого не произойдет, перейдут в мировой кризис.

Все чаще извне мы слышим: *«Россия неуместна там-то и в том-то»*. Место России, вот то, что подвергается испытанию в мире, лишенном правил. Но в глобальном мире без общепризнанного порядка кризис угрожает глобальной войной.

Большинство граждан РФ сегодня, и еще долго, будут составлять рожденные в СССР – государстве, которого уже нет. Между истреблением имперской России в 1917 году и упразднением СССР в 1991 году прошло всего лишь 75 лет. Многие успели побывать в подданстве нескольких государств, а иные, как бабка моя, Феодосья Ивановна, еще помнят жизнь при *обоих* старых режимах. Но обе империи с большим государственным опытом – не спаслись, не сохранились и развитые ими цивилизации. Осталась Россия, объявив себя наследницей их всех. Находится ли она в большей – или хотя бы в *не меньшей* безопасности, чем те? Не станет ли ликвидация России желательным для кого-то «окончательным решением» неизвестной задачи в мире темного будущего?

Путин действует в узких рамках реальных лимитов времени, людей и ресурсов. Мысль автора книги о пределах власти как тайном стимуле путинской креативности – точная политическая мысль.

Вообще, политический опыт Путина во власти интересней, глубже нападок на его личность. Изучение его идеологии – не только в гуманитарном, но и в инженерном смысле – едва начинается. Так, например, подход Путина к демократии для населения, с навязчиво повторяемым приоритетом «комфортных условий», весьма своеобразен. Автор пытается разо-

браться в этой идее *комфортного* для населения суверенитета, заставляющей припомнить «биовласть» Мишеля Фуко, «социум власти» М. Гефтера или то, что Симон Кордонский окрестил *витальной повесткой* последних президентских посланий. Собственно, изучать политику в современной России и означает изучать идеологию и практику нынешнего президента. Книга Алексея Чадаева не только поучительна, но и полезна для подготовки новых кадров к государственной политической работе. Никому еще не удалось войти в большую политику, не расставшись с грузом своих благоглупостей.

Глеб Павловский

ВВЕДЕНИЕ. КРАТКИЙ КУРС ПО УПРАВЛЕНИЮ ГОСУДАРСТВОМ

Сделать более понятной логику действий и бездействий российской власти эпохи Путина – цель данной работы. Это возможно лишь при условии, что будут описаны реальные возможности власти в наше время и в нашей ситуации – иначе говоря, ее системные ограничения. Ответ на вопрос «что власть делает» возможен только после ответа на вопрос «чего власть делать не может».

Узость коридора возможностей является следствием узости инструментария. Ограниченность способов действия заставляет использовать все немногочисленные имеющиеся инструменты – в том числе для решения таких задач, для которых они заведомо не предназначены. Главное системное ограничение власти – тот факт, что число тех людей, за успехи и неудачи которых она несет ответственность, гораздо больше, нежели число тех, кем она непосредственно управляет. Любое действие власти ведет за собой последствия, число которых так велико, что не дает возможности отследить большинство из них. А потому – заставляет предвидеть, рассчитывать «общий баланс» последствий любых решений уже на этапе их подготовки.

Власть – лишь один из элементов общественной системы, но одновременно ее суверен.

Государство часто рассматривают в виде своего рода корпорации – одной большой фирмы по оказанию услуг населению. Но это правомерно только для тоталитарных систем, где каждый гражданин по умолчанию является сотрудником этой фирмы и в то же время потребителем ее услуг. Сталинское государство соответствовало этому определению в полной мере. Путинская Россия, как и практически любая современная страна, устроена иначе. Власть – лишь один из элементов общественной системы и одновременно ее суверен; это делает роль власти противоречивой. Режим существует в двойной логике: с одной стороны, это логика узких интересов «своей» сферы (госсектор); с другой – логика интересов и ценностей страны как целого.

Все это создает особую ситуацию «подвешенности» власти. Она несет ответственность за существование всех граждан, но непосредственно управляет лишь крайне небольшой (в масштабах страны) административной пирамидой.

Применительно к первому лицу государства это означает, что у него есть лишь очень немного людей, которым он может приказывать. Что до остальных, то он может лишь доносить до них свою точку зрения и надеяться на их понимание и добрую волю – так как их начальником в буквальном смысле слова он не является.

Из этого следует, что реальным инструментом власти в современной системе является не административная вертикаль, а система влияния, основанная на моральном авторитете и значимости. Президент больше «жрец» или «судья», чем «царь». Но мера его ответственности при этом – «царская».

В результате возникает такой формат политической системы, при котором глава государства получает практически монопольное право быть источником действующего политического языка и тем для обсуждения – «повестки дня». Каждый из нас имеет свою точку зрения по большинству вопросов, но вопрос о том, какие из тем для обсуждения актуальны именно сегодня, решает власть. Единственным ее реальным конкурентом на этом поле являются катастрофы – будь то авария подводной лодки, сход лавины или захват заложников – тогда инициатива властью утрачивается; но это и есть чрезвычайная ситуация всеобщей мобилизации социальной системы перед лицом общей опасности.

Однако монополия на повестку дня не означает произвола. Бремя власти – удерживать реальность в слове; как только она перестает соответствовать этой задаче, она моментально становится лишним элементом в социальной структуре. И общество ей это показывает, иногда – быстро и жестко.

Величайший успех – найти точные слова для описания того, что происходит и, главное, что должно происходить завтра. Провал – ошибиться в словах или не сказать чего-то, что должно было прозвучать. Каждое публичное слово – в том числе и по второстепенным поводам и темам – стоит гораздо дороже, чем любое аппаратное решение.

Поэтому любые публичные слова первого лица очень важны именно как управляющие сигналы. В дополнение к этому в России, по мнению многих социологов, коммуникативные правила таковы, что важнее не то, что говорится, а то, кто говорит: это называется «гипертрофированный личностный статус».

В условиях посткатастрофной России такая ситуация дает президенту уникальную роль и одновременно возлагает на него уникальную ответственность. Президент сам должен построить демократическую процедуру, защитив ее снаружи, и потом передать в руки народа. Подобные задачи лежали на многих лидерах государств в XX веке и далеко не все с ними справились. Но, как бы там ни было, миссия Путина – это миссия строителя.

Из такого понимания миссии вытекает несколько следствий. Во-первых, неприменный уход от власти по завершении строительства политической системы. Во-вторых, уход от власти именно и только по завершении ее строительства, но не раньше и не позже. В-третьих, с ростом времени пребывания у власти снижаются шансы на быстрое завершение такого строительства. В-четвертых, попытки помешать процессу строительства необходимо пресекать самыми жесткими способами.

Почему мы вообще обращаемся к официальным документам – таким как Послания президента? Официальные документы первых лиц государства – это развернутые управляющие инструкции. Они построены на ограниченном количестве формул, понятий и словосочетаний, которые потом разворачиваются в ту или иную политику. Самые яркие из этих формул (такие как «индустриализация», «продовольственная программа» «перестройка», «приватизация», «вертикаль власти») маркируют целые эпохи. Главное место, где появляются такого рода слова, это именно официальный текст с его жестким канонем.

При этом надо помнить, что в официальных документах обычно крайне редко используются ценностные формулы. Иначе говоря, послания – это не столько сам «символ веры» действующей власти, сколько производные от него решения. Такие документы изложены на языке задач и инструментов. Ни перестройка, ни приватизация, ни построение вертикали власти сами по себе не являются конечной целью и ценностью. Все это является инструментом достижения чего-то другого. А вот что стоит за названными инструментами – этого в официальном документе, как правило, не сообщается. На этом месте чаще всего стоят общие слова и лозунги, ничего не означающие.

Послания Президента это не столько сам «символ веры» действующей власти, сколько перечень производных от него решений.

Обращение к ценностному языку позволяет реконструировать логику документа, взятого как целое, в совокупности задач и реализации главных программных документов. Мы как бы дешифруем роль субъекта власти по совокупности его публичных действий. Мы находим, какие формулы целей и ценностей находятся за формулами задач и средств. Попытаться обнаружить ценности, которыми руководствуется действующий Президент, в последовательности задач, которые он ставит перед государством, и средств, которые он предлагает для их реализации, в этом и состоит задача данной книги.

ВОЗМОЖНОСТИ ДОКТРИНЫ

Наша задача состоит в том, чтобы описать доктрину Путина. Реконструирование доктрины Путина неизбежно означает обнаружение слабых мест этой самой доктрины. Я подозреваю, что все слабые места, которые очевидны стороннему наблюдателю – очевидны в той же степени и самой власти. Я как покупатель на рынке – для меня это выбор. Рынок сигнализирует: или доктрины в законченном виде еще нет, или она слаба. Но слабость на самом деле означает поиск. Сильная позиция предполагает, что ты для себя все уже решил и не нуждаешься ни в чьих ответах на свои вопросы. Слабая позиция обозначает, что ты, защищая свои тезисы, предлагаешь какие-то спорные вещи на обсуждение.

Особенность российской политической системы состоит в том, что власть никогда и ничего не объявляет открыто. Именно поэтому возникает задача реконструкции и понимания доктрины. Материалом для реконструкции являются официальные документы, политические решения и (в меньшей степени) публичные выступления. Но мы как исследователи должны понимать, что публичные официальные документы пишут спичрайтеры и поэтому по словесным формулам нельзя восстановить ничего, кроме набора используемых тезисов.

Любая дешифровка и реконструкция – это всегда определенный волюнтаризм. Наше преимущество здесь состоит в том, что мы не пытаемся читать между строк. Мы пытаемся читать по строкам, как и должно читать программу действий. То есть мы пытаемся понять, что сказано и что имелось в виду.

Лидер государства лишь задает лозунги, лежащие в основу программ, которые создаются представителями политической элиты.

Нормальная логика работы власти – когда командир указывает направление, а остальные за ним идут.

Власть не может, не имеет права на создание собственной политической программы, претендующей на монополию. Поэтому существует доктрина Путина, а вот программа Путина – это лишь одна из возможностей. Доктрина, в отличие от идеологии, имеет временную привязку. Принятие доктрины в качестве образца, источника программ, зависит от того, насколько ее лозунги реализуемы на практике.

В качестве источника доктрины Путин выступает не как действующий президент, а как индоктринирующий субъект. Доктрина Путина – это то, что перебрасывает мостик к России после Путина, в будущее, где сам Путин будет существовать уже не в качестве субъекта власти, а в качестве некоторого курса и направления. Доктринальность в этом смысле слова появилась в президентских посланиях только в последние два года. Два последних президентских послания логически связаны друг с другом: в послании 2004 года Путин излагает прагматику действий,¹ а в 2005-м, ссылаясь на эти действия, разъясняет цели этих действий и их ценностное содержание.

В качестве ключевых ценностей президент использует демократию и суверенитет.² Этим он ставит себя в сложную, уязвимую в своей противоречивости и поэтому крайне незащищенную позицию. С одной стороны, демократия – это сегодня трансграничная ценность, главные носители и пропагандисты которой привыкли ломать об коленку чужие суверенитеты в целях «демократизации»: именно поэтому подразумевает открытость миру, ее крайне сложно совмещать с укреплением национальных границ. С другой стороны, суверенитет

¹ В.В. Путин. Послание-2004. См. стр. 151

² В.В. Путин. Послание-2005. См. стр. 187

вовсе не предполагает следование мировым стандартам демократических процедур. В этом главное противоречие.

Все предыдущие послания строились как манифесты, что давало возможность расшифровывать их вне привязки к конкретным действиям. Сейчас задача состоит в том, чтобы развернуть лозунги в программу действий. Это создает гораздо более узкий коридор. Коль скоро слова рожают действие, они исключают вариативность толкования. Иначе коллективное действие не получается, оно рассыплется на миллионы индивидуальных действий. Главное отличие манифеста от программы действий: манифест говорит «я думаю», а программа действий – «я считаю необходимым сделать». Самая большая удача обозначить связь между первым и вторым.

РОЖДЕНИЕ ДОКТРИНЫ

Доктрина Путина в том виде, как она существует сейчас, появилась гораздо позже, чем сам Путин занял пост президента. В 1999 году он просто наводил порядок: он и говорил о себе как о президенте, спасающем Россию от катастрофы и распада, стремящемся к стабильности. В 2003 году возникло ощущение, что это ему удалось и не удалось одновременно. Череда терактов и трагических событий подталкивала к мысли, что Путин разрушил стабильность, которая как казалось, существовала до него, при Ельцине. Этот год должен был быть годом успеха, но случилось нечто, что и заставило президента поменять курс. В этом году изменился характер политики, и это потребовало изменения методологии ее реализации. Появилась доктрина Путина.

Появление доктрины в данном случае обозначало отход от политики кризисного менеджмента, то есть простого реагирования на возникающие проблемы. В отличие от доктрины, программа, стратегия и даже идеология предполагают, что существует план и этот план будет реализован вне зависимости от того, какие внешние факторы могут этому помешать. В случае доктрины все совершенно по-другому. Доктрина – это развернутый метод. В качестве метода она не может указывать цель, она является способом реагирования на ситуацию, создания новых направлений движения. Особенность доктрины в ее способности саморазворачиваться в любые, самые сложные схемы действий, не изменяясь внутренне, и из этого отчасти проистекает будущая новая субъектность.

Доктрина – это развернутый метод. В качестве метода она не может указывать цель.

Источником появления доктрины Путина является политический кризис 2003 года. Она родилась именно из событий, случившихся тогда (отставка Волошина, дело ЮКОСа, неожиданный результат думских выборов и т. п.). Поэтому, для того чтобы понять состояние, в котором Россия оказалась сейчас, – надо вернуться на три года назад и понять, что же произошло в сфере языка власти в 2003 году. С точки зрения развития доктрины это можно сделать при помощи анализа президентского послания 2004 года. Необходимо разобраться, какие факты попали в послание, а какие не попали, что и как было проинтерпретировано.

На протяжении трех лет (в посланиях 2001–2003 годов) важным элементом президентских посланий была идея стабильности. Предполагалось, что главное, чем занимается власть и политическая система, – это оберегает страну от радикальных изменений, инициируемых оппозицией извне или вызревающих внутри самой власти. Понятно, что это ко многому обязывало власть. Например, обязывало к необходимости не выталкивать оппозицию за рамки политической системы, а включать ее в себя. Идея стабильности³ предполагает стабильность роста, стабильность отношений собственности, возможность для любых игроков на поле стабильности реализовать свои задачи при базовых гарантиях невмешательства со стороны власти.

Путин преуспел в осуществлении этой идеи. Первое, чего он добился, став президентом, это прекращение задержек выплаты пенсий и заработной платы работникам бюджетных организаций. Это была радикальная и сильная установка: государство на уровне системного ограничения не имеет права не соблюдать обязательства перед теми, кто непосредственно от него зависит. В то же время укрепление стабильности шло через построение «вертикали власти» – построение губернаторов и федеральной отраслевой бюрократии под контроль. Путину удалось преодолеть ситуацию непрерывного загнивания, отмирания регионов. Сей-

³ В.В. Путин. Послание-2004. См. стр. 152

час уже неактуальны вопросы, которые стояли в центре повестки дня несколько лет назад: задержка зарплаты или отключение света и тепла за неуплату.

Однако через несколько лет существования доктрина стабильности изжила себя как на внешнем, так и на внутреннем поле. На это повлияло несколько факторов. Мировой рост цен привел к резкому усилению экспортеров, а доктрина стабильности резко ограничивала возможность влиять на них. Это кардинально усиливало одних и ослабляло других, нарушая баланс системы. Недовольство этим ограничением стало источником импульсов к преобразованию системы, исходящих не только от государства, но и от крупного бизнеса. ЮКОС и власть играли друг с другом на опережение. Стабильности не осталось места и во внешне-политическом контуре страны. В начале 2003 года, после того как США, несмотря на отсутствие санкций СБ ООН, провели военную операцию в Ираке, в серьезном пересмотре нуждалась идея антитеррористической коалиции.

В конце того же года «революция роз» в Грузии закончилась изменением режима и сменой политического курса страны. В начале 2004 года революция по грузинскому сценарию прошла в Аджарии. Стабильность как установка на удержание любой ценой существующего порядка вещей, как концепция перестала работать.

После кризиса 2003 года государство претендует на возвращение мобилизационной функции.

За четыре года российская экономика значительно выросла. Россия из государства-банкрота превратилась в богача, который сидит на деньгах и не знает, куда их потратить. О проблемах, с которыми были связаны ельцинские времена, просто забыли. Казалось бы, пришло время пожинать лавры, но доктрина стабильности получает удар за ударом: ЮКОС, Грузия, Украина, Беслан, развал нового образа России на Западе, полная потеря «моды на Путина» и замена ее модой на оранжевых. Это не оставило доктрине стабильности никаких шансов.

Уже в послании 2003 года – в виде идеи удвоения ВВП – начинается отказ от стабильности. Парадоксально, но на самом деле функция лозунга удвоения ВВП⁴ не сводилась к задаче его удвоить. Этот лозунг должен был приучить общество к возможности постановки идеологической задачи со сравнительно долгосрочной перспективой. В этом смысле революционно само появление Путина в роли внешнего агента, который может ставить системе задачи. Это несовместимо со стабильностью: для осуществления которой государство само гарантирует отсутствие агентов-реформаторов.

После кризиса 2003 года государство претендует на возвращение мобилизационной функции. В послании 2004 года Путин много говорит об экономике, показывая целью развития экономики повышение качества жизни (образование, медицина, недвижимость, жилье и т. д.).⁵ Фактически послание 2005 года развивает ту же тему качества жизни. Если в 2004-м президент ставит экономические задачи, то в 2005-м показывает политические цели, которые призваны обеспечить решение этих задач. Путин в этих посланиях аномально нормальный президент, испытывающий острый дефицит «властной сумасшедшинки». В этом и его сила, и слабость. По Путину, главная задача власти состоит в обеспечении растущего благосостояния населения. Экономические задачи, которые он ставит, инструментальны. В отличие от адептов «экономизма» Кудрина и Илларионова Путин заинтересован не столько в том, чтобы создавать условия для развития экономики сколько в том, чтобы результатом экономического развития стало изменение параметров качества жизни – эти параметры и являются для него основной шкалой. Его, по большому счету, очень мало интересуют детали

⁴ В.В. Путин. Послание-2004. См. стр. 153–154

⁵ В.В. Путин. Послание-2004. См. стр. 155–156

хозяйственного устройства и макроэкономические показатели. Они для Путина – та машина, по отношению к которой он ведет себя как «пользователь», а не как «механик». Уровень инфляции, реальный курс рубля, сальдо торгового баланса, фондовые индексы и т. п. – это показатели, важные для специальных подотчетных людей, но абсолютно вторичные по сравнению с другими, социоэкономическими индикаторами – вроде уровня зарплат, качества медицинского обслуживания, доступности жилья, конкурентоспособности образования и т. п. Не споря с экономическим либерализмом, он не концентрируется только лишь на создании условий экономической деятельности. В послании 2004 года ясно видно, что цель либерального экономического развития – европейский стандарт качества жизни. Уже исходя из этой позиции и предъявляются требования к либеральной экономике: результат, который она дает на выходе, для него важнее особенностей ее внутреннего устройства.

По Путину, главная задача власти состоит в обеспечении растущего благосостояния населения.

Но одного пользовательского подхода недостаточно: Путин управляет машиной, которая сегодня почти ничего, кроме узкого набора функций, не умеет делать. В частности, она не умеет делать инфраструктурные вложения. Сложно себе представить, чтобы нынешняя система поставила себе задачу построить новый город, хотя бы на сто тысяч человек. В России сейчас нет такой инстанции, государственной или частной, которая могла бы сказать: «Здесь нужен город на полмиллиона человек». Да что там – хотя бы на десять тысяч! Логика нашей системы запрещает подобное. Проблема даже не в том, что государство или само для этого должно быть мощнейшим экономическим субъектом, или допускать (удерживая при этом целостность всей остальной системы) существование частных субъектов такой силы, чтобы они могли ставить и решать задачи подобного масштаба. Проблема в том, что любой такой проект затрагивает – и моментально приводит в движение десятки и сотни разнообразных интересов, и хрупкий баланс «стабильности» моментально рушится.

Прямая критика (а не просто отмена) лозунга стабильности, которая прозвучала в послании 2005 года, дает власти мандат на радикальные изменения.⁶ Она означает буквально, что разрешены революции и контрреволюции. Путин сказал: «Политика стабилизации фактически была политикой реагирования на накопленные проблемы. Эта политика в целом оправдала себя. Но к настоящему времени себя уже исчерпала». И далее: «Особенностью последнего времени стало то, что наша недобросовестная часть бюрократии как федеральной, так и местной – научилась потреблять достигнутую стабильность в своих корыстных интересах, стала использовать появившиеся у нас наконец благополучные условия и появившийся шанс для роста не общественного, а собственного благосостояния».

Изменение риторики в данном случае означает приход в политику новых смыслов. За идеей борьбы с бюрократией стоит отказ Путина от роли президента бюрократии. Бюрократия – каста выигравших, которые тем или иным способом, лучше или хуже, сумели поучаствовать в переделе собственности, увеличить собственное благосостояние во время ельцинских реформ или путинской стабильности. Стабильность существующего режима долгое время держалась на хрупком балансе этих двух групп: группы «победителей 93-го» и группы «победителей 99-го». Сейчас Путин пытается разрушить этот баланс.

Политика стабилизации фактически была политикой реагирования на накопленные проблемы.

Что послужило причиной отказа Путина от доктрины стабильности? С одной стороны, провозглашая ее, он делал именно то, чего от него ждали как от президента. С другой стороны, стабильность оправдывала себя: люди стали лучше жить. При этом повышение уровня

⁶ В.В. Путин. Послание-2005. См. стр. 192–193

жизни населения не было напрямую связано ни с увеличением социальных расходов, ни с ростом цен на нефть, ни с повышением числа наличных расчетов, т. е. возвращения денег в экономику. Это не было простым распределением по стране денег, получаемых извне, хотя вся политика последних пяти лет была борьбой за их перераспределение как можно дальше от собственно вентилля. Напротив, улучшение жизни населения вызвало рост практически во всех секторах национальной экономики. Некоторым образом политика стабильности сама по себе дала людям работу в силу того, что появились новые запросы и, соответственно, новые сферы деятельности, усложнив картину национальной экономики.

Проблема «роста благосостояния» состоит в том, что за улучшением качества жизни людей не стоит никакой другой цели. Это ошибка, потому что с точки зрения социального здоровья повышение качества жизни имеет смысл и оправданно только тогда, когда является наградой за что-то другое. Продуктивным является убеждение, что хорошая жизнь является наградой за заслуги, труд и т. п. Политика, предполагающая, что качество жизни должно повышаться вне зависимости от прилагаемых к этому усилий, паразитическая. Поэтому катастрофа стабильности есть катастрофа тотального паразитизма. Провозглашая доктрину стабильности, государство законсервировало ситуацию, которая позволила развиваться невероятному количеству внешних и внутренних паразитов (с одной стороны кордона, это «братские» режимы, торговавшие дружбой, а с другой – олигархи и бюрократы).

Отмена стабильности сама по себе не создала субъекта революционных преобразований. Однако она способствовала появлению целого ряда сил, претендующих на эту роль. Отказавшись от доктрины стабильности, Путин создал ситуацию, когда он является лишь одним из участников соревнования за право стать субъектом преобразований.

Ключевой ценностью, на которой основана новая публичная риторика Президента, является суверенитет, то есть возможность самостоятельно внутри страны решать вопрос о власти. Здесь важно то, что вопрос о власти не связан жестко с демократическими процедурами (монархия тоже суверенна), но именно демократия – наиболее работоспособный и развитый механизм его осуществления. Но работоспособность не означает защищенность. Беда в том, что монополия на демократический дискурс находится в том месте, откуда нам могут не дать самостоятельно решить вопрос о власти.

Задача Путина – создание такой системы, в рамках которой русский народ сам сможет решать вопрос о власти.

Сегодня сложилась ситуация, когда демократия в рамках глобальной демократической революции становится универсальным мотивом для ликвидации суверенитетов. Единственная гарантированная форма внешней легитимации режима – если граждане, участвуя в процедуре, которую все признают «соответствующей стандартам», выбрали власть, то эта власть обладает полнотой суверенитета на данной территории. Таким образом, нарушение процедуры выборов дает возможность внешнему «демократизатору» отнять национальный суверенитет под предлогом помощи в решении вопроса о власти.

В этом смысле идея оранжевой революции представляет собой типичную сделку с дьяволом: мы вам помогаем сменить власть – вы за это расплачиваетесь суверенитетом. Процедура задается извне и форматирует режим так, что национальные лидеры уже не могут принимать каких-то ключевых решений. В этом смысле суверенитета уже нет.

Парадокс в том, что несменяемая власть – еще более уязвимый объект с точки зрения суверенитета.

Если власть несменяема, ее не нужно «взламывать» извне, подталкивая процессы либерализации (что случилось в ходе розовой и оранжевой революций) или свергая режим, объявляя его опасным (как в случае с С. Хусейном). В современном мире несменяемость власти сама, в силу внутренней логики развития страны, приводит к революции (так случилось с

режимами А. Акаева в Киргизии и Л. Кучмы на Украине). В случае когда население отделено от власти, когда оно не относится к власти как к своей, нет ни одной сильной с точки зрения защиты суверенитета позиции: «демократизаторы» вклиниваются в дистанцию между правителем и населением.

Задача Путина – создание такой системы, в рамках которой русский народ сам сможет решать вопрос о власти.⁷ Решение этого вопроса может и не включать в себя сменяемость власти любой ценой каждые четыре года или ротацию партий у власти и в оппозиции. Но принципиально важно, чтобы в решении участвовало и согласилось с его результатом большинство граждан. И воля этого большинства была бы главным и единственным основанием политического режима, безотносительно любой внешней легитимации, прохождения тестов на «соответствие стандартам» и т. п. В этом формула демократического суверенитета.

Такая задача связана с целым рядом проблем, возникающих как внутри самого правящего режима, так и вне его. Передача вопроса о власти в руки народа не устраивает правящий слой, потому что отнимает гарантию пребывания у власти. С другой стороны, она не устраивает и оппозицию, так как предполагает появление ответственных позиций и соответственно невозможность полной и окончательной победы с захватом всей полноты власти. Оппозиция в России устроена так, что претендует на полноту власти: ей нужно не 51 % голосов, а все 100 % либо ничего.

Напомним, что красной нитью через президентские послания 2004 и 2005 годов проходит идея улучшения качества жизни. Эта тема связана с суверенитетом, поскольку высокий стандарт качества жизни является базовым условием для того, чтобы существовала возможность демократической приватизации власти. Идея демократизации есть идея приватизации власти, по аналогии с процессом приватизации собственности, который происходил в начале 90-х. Для того чтобы приватизация власти стала возможной, нужен субъект, способный принять приватизированную часть власти. Для того чтобы стать таким субъектом, гражданин должен обладать определенным уровнем достатка, который сам по себе является источником как интересов, так и ответственности. Уже стало привычным, что ответственный гражданин имеет собственное жилье, машину, кредит; он является суверенным собственником и принимает решения в рамках своей ответственности. Такого гражданина не так просто обмануть, купить, увлечь, он не станет частью революционной массы. Современная европейская демократия – демократия хозяев.

Рассмотрим подробнее три базовые ценности, на которых основывается курс Владимира Путина: суверенитет, демократия, качество жизни.

⁷ В.В. Путин. Послание-2005. См. стр. 194

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ СУВЕРЕНИТЕТ

ЧТО ЗАЩИЩАЕТ ПУТИН

Всякий идеологический манифест необходимо описывать через заложенные в него ценности. Соответственно мы не можем проанализировать доктрину Путина, не выявив то, что он считает ее ценностным содержанием. Проблема в том, что сделать это очень сложно.

В истории существуют два типа отношения к ценностям. Сильный собственник готов всем предъявить то, чем он обладает. Сильные народы всегда строили для своих святынь огромные храмы на самой главной площади на холме, предъявляя всем свои ценности. Они могли их защитить: приди и возьми! Ведь любой ценностью, признаваемой в этом качестве, хочется обладать. Если возможности защитить ценность нет, делают по-другому. Ценность, которой обладает слабый собственник, скрывается. О том, что же именно является ценностью, где она спрятана и как туда добраться, знают только несколько посвященных. В этом случае главной защитой ценности является тайна.

Путин вынужден использовать стратегию слабого. Оказывается, что любой сильный тезис, высказанный публично, гораздо труднее защитить, чем тот, который замаскирован общими словами и ничего не значащими выражениями. Есть целый пласт официальной риторики, единственное назначение которой – скрыть ценности власти, защитить их посредством тайны. Поэтому всем остальным приходится работать с содержанием, которое не может быть объявлено иначе как на языке кодов.

Суверенитет, о котором Путин говорит в последнем послании, – это заявка на собственную ценность, идея суверенитета не является общечеловеческой ценностью.

Ценность суверенитета, понимаемого как целостность, единство и самоуправление России – первое исключение из этого правила: она объявляется публично и тем самым становится объектом атаки. Она же стала поводом для возвращения в официальную риторику ценностного (т. е. «антипрагматического») языка. Все без исключения предыдущие президентские послания (как Ельцина, так и самого Путина) были целиком написаны на инструментальном языке. Собственно с тех пор, как на закате «застоя» умерло ценностное содержание советской власти, все используемые формулы власти в России были инструментальными. Это не значит, что там не было публичных клятв и звучных слов – их хватало; но они были как бы сами по себе, существовали в качестве оторванных от реальной политики мантр, дежурных ритуальных фраз, примерно как позднесоветские клятвы идеалам ленинизма: слова, которые ничего не означали на практике. Было достаточно клятв идеалам демократии, прав человека и гражданского общества – но никому и в голову не приходило поставить как практическую повседневную задачу построение работоспособной демократии, системы механизмов правозащиты или сети влиятельных гражданских организаций.

Живой ценностный язык появляется в тот момент, когда абстрактный идеал разворачивается в программу конкретных политических действий (например, стремление к коммунизму – в программу всеобщего среднего образования); тем самым связь между идеальной и конкретной политикой не обрывается ни в одной точке. Суверенитет у Путина деклариру-

ется как принцип и, одновременно, является основанием для вполне конкретных действий.⁸ Ничего подобного воинствующий антиидеологизм 90-х не мог допустить; в самых крайних случаях он симулировал присоединение к внешним по отношению к России ценностным структурам – таким, например, как так называемые общечеловеческие ценности; но и они в этот период выполняли примерно ту же роль, что чуть раньше – «идеалы марксизма-ленинизма».

Суверенитет, о котором Путин говорит в последнем послании, – это заявка на собственную ценность. Идея суверенитета не является общечеловеческой ценностью, она совершенно из другого ряда. Более того, в некотором роде ее провозглашение означает войну. В современной миросистеме считается общим местом, что общечеловеческие ценности превыше любых суверенитетов. Нарушение прав человека – повод для войны, безотносительно к тому, в границах чьего суверенитета произошло нарушение: если НАТО объявляет преследование косовских албанцев нарушением прав человека, то это повод для ответного преследования американцами сербских военных сил.

Идея суверенитета предполагает политический запрет на смену власти
извне.

Говоря о суверенитете России, Путин выступает не в ипостаси лидера, а в ипостаси функции: того, кто олицетворяет страну. В данном случае Путин – это мы. Поэтому его слабость – наша общая слабость. Мы, предъявив миру какую-то ценность, не в состоянии ее защитить не то что от нападков извне, но даже изнутри. Ценностное содержание, которое только-только начинает появляться открыто, уже содержит в себе приметы слабости, оборонительные идеи. Суверенитет – это значит, что какой-либо экспансии нет, мы только хотим, чтобы с нами ничего не случилось. Защищаться – удел слабых. Идея независимой, свободной нации, которая самостоятельно решает свои вопросы о власти, это идея сама по себе слабая.

Со временем это приводит к парадоксальной, противоречивой задачности. Идея суверенитета предполагает политический запрет на смену власти извне. Утверждение, что только мы сами можем решать вопрос о смене власти, по сути означает, что мы запрещаем всем остальным принимать участие в решении этого вопроса, то есть – мы боимся, что кто-то другой может решить его не в нашу пользу. Идея построения эффективного государства в существующих границах косвенно означает признание слабости.

В этой логике объяснимо то, что Путин сказал после окончания выборов на Украине: «Мы работаем только с действующей властью». Если властью обладает В. Ющенко, мы работаем только с ним, и больше никого для нас не существует. Это обратная сторона суверенитета: запрет самому себе на работу с кем-либо помимо действующей власти означает признание их суверенитета и тем самым предполагает, что они в ответ признают наш суверенитет. Мы работаем только с властью, они тоже работают только с властью. Но кто гарантировал, что это условие кем-либо, кроме нас, будет выполняться?

Суверенитет зависим от отношений с другими. Однако в первую очередь он зависим от собственных граждан. Признание граждан – необходимое и достаточное условие существования суверенитета. При наличии этого признания появляется возможность ставить вопрос о международном признании суверенитета. Но именно признание граждан является первичным и более важным элементом суверенитета, чем его признание другими странами. Вывод, который можно отсюда сделать: единственный способ обеспечения суверенитета – построение такой системы, в которой люди могли бы сами решать вопрос о власти. То есть – построение демократии. В этом и состоит главное противоречие идеи демократического суверени-

⁸ В.В. Путин. Послание-2005. См. стр. 192

тета: борясь с «демократизацией извне» как механизмом десоверенизации, одновременно строить демократию как главное политическое основание суверенитета.⁹

⁹ В.В. Путин. Послание-2005. См. стр. 200–201

ВОССОЗДАНИЕ СУВЕРЕНИТЕТА

ДЕМОКРАТИЧЕСКИЙ СУВЕРЕНИТЕТ

Темой самого первого президентского послания Владимира Путина в 2000 году было «Государство Россия». В тот момент такая постановка вопроса казалась странной: российское государство в его нынешних границах никем не принималось и до сих пор с трудом принимается на ментальном уровне как нечто целостное. Скорее оно представилось обрубком СССР или временным явлением перед заключением нового союза. Так же как в 1917 году возникло Временное правительство, после 1991-го появилось «временное государство», которое сделали, чтобы «день простоять да ночь продержаться». Это была резервная станция, запущенная на случай выхода из строя основной системы (а как раз такой случай и имел место после провала новоогаревского процесса). То, что эта система в 1990-е была лишь муляжом, обозначающим контуры несуществующего, резко ограничивало возможный срок ее использования. К 1999-му наступил предел ее существования.

Предложение рассматривать Россию как государство было, по сути, предложением по обустройству политической системы. В этом послании рассматривалось актуальное пространство государства в его нынешнем состоянии. Путин тогда еще не утверждал, что это государство – навсегда, что оно, в нынешних границах, неизменно и нормально. Вопрос был только лишь в том, чтобы в рамках этих границ построить полноценное государство.

Физическая целостность государства есть та единственная ценность, которую мы обязаны признать все, и одно отрицание ее уже является криминалом.

Именно в это время впервые возникла тема суверенитета. Физическая целостность государства есть та единственная ценность, которую мы обязаны признать все, и одно отрицание ее уже является криминалом – в этом состояла его формула. С тех пор эта формула – неизменная часть режима Путина. Все дальнейшие годы, вплоть до интервью Дмитрия Медведева журналу «Эксперт» в начале 2005 года, политика России – это политика, диктуемая логикой целостного суверенитета. Целостность суверенитета означает, что мы можем воевать за что угодно, с кем угодно и как угодно при том условии, что нас объединяет государство Россия в его существующих границах.

В чем вообще магистральная дилемма суверенитета в наши дни? Ее очень хорошо описал Михаил Саакашвили на встрече с Бушем 9 мая – в своей знаменитой речи про ветер свободы и кедры Ливана. Саакашвили позиционировал Грузию как партнера Америки в свержении диктатур и установлении демократий. Несмотря на анекдотичность формата, нельзя пропустить за ней тенденцию, к которой стоит относиться крайне серьезно. В этой речи Саакашвили использует сталинский метод, полностью оправдавший себя в 20-30-х годах прошлого века. Идея проста: проект воссоздания Грузии как унитарного национального государства – проект обреченный. С другой стороны, проект создания Грузии как главного партнера Америки по «установлению демократии» на постсоветском пространстве создает ту область задачности, которая может привести в итоге к собиранию Грузии как национального государства. Точно так же неосуществимой в 20-е годы была идея собирания СССР территорий бывшей Российской империи. Прием тогдашнего режима, объявившего о создании центра борьбы «за освобождение трудящихся всего мира», и дальнейшая планомерная деятельность в этом направлении привели его к успеху.

Построение реального суверенитета и построение реальной демократии – это две стороны одной и той же задачи.

Напротив, Путин, защищая суверенитет как ценность и противопоставляя его экспансии «глобальной демократической революции», оказывается в крайне слабой позиции. Идея суверенитета в ее постхристианском секулярном виде предполагает, что верховная власть на земле принадлежит ее народу (совокупности людей – первичных суверенов самих себя) и только сам народ (а не какие-либо внешние силы) может ставить и снимать правителей. При этом политическая практика показывает нам, что во власти десятилетиями сидят Каримовы, Акаевы, Рахимовы или Лужковы и никакой народ (узбекский, киргизский, башкирский или московский) без толчка извне никогда в жизни их не снимет и не сменит. У народа, живущего в режиме управляемой демократии, нет инструмента для этого, несмотря на регулярно проводящиеся выборы. Такая ситуация может длиться бесконечно, до тех пор пока не придет кто-то снаружи и не даст этому самому народу такой инструмент – к примеру, оранжевую ленточку. А это прямое разрушение суверенитета. То есть выдвижение на первый план концепции суверенитета фактически исключает любые другие действия, кроме поддержки Акаевых до тех пор, пока они сами не упадут. Это еще раз возвращает нас к критике фразы, сказанной Путиным на первой встрече с только что избранным в третьем туре президентом Украины Виктором Ющенко в Кремле: «Мы работаем только с действующей властью».

Таким образом, реальный суверенитет предполагает создание процедурной возможности для того, чтобы население само, без влияния извне, могло в рамках фиксированного интервала политических циклов решать вопрос о власти. Для того чтобы это стало возможным, жизненно необходима вся эта громоздкая аппаратура демократии – партии, парламент, СМИ, «третий сектор» и т. п. В этом смысле построение реального суверенитета и построение реальной демократии – это две стороны одной и той же задачи. Одна из них относится к защите политической системы от вызовов извне, а другая – изнутри.¹⁰

Свобода – это роскошь, причем для многих непозволительная. Именно потому, что свобода – это не когда все можно, а когда ты имеешь возможность и способность что-либо делать, то есть обладаешь ресурсами для действия, для самостоятельного принятия решений. Так понимает свободу Путин, коль скоро тема демократического суверенитета, как это следует из посланий, неразрывно связана для него с темой качества жизни – причем первое буквально следует из второго.

ИМПОРТ И ЭКСПОРТ

ПРЯМОЕ ЗАИМСТВОВАНИЕ ПРОЦЕДУР – не важно, произошло оно в результате революционных преобразований или носит добровольный характер, – это есть вызов системе, десоверенизация. Институты, аккумулирующие и оформляющие «волю народа», в импортированной модели оказываются вынесенными за пределы системы и действуют вне логики ее правил. Современная технология внешнего контроля политической системы реализуется не через управление властью, а через управление процедурой ее смены. Управление этой процедурой делает правителя зависимым, а значит – сговорчивым. И наоборот, обладание истинным суверенитетом означает возможность задавать и экспортировать стандарт, выходить на мировой рынок процедур.

Победа в Великой Отечественной войне – единственное бесспорное основание российского национального мифа.

¹⁰ В.В. Путин. Послание-2005. См. стр. 189

Из этого следует, что невозможно построить суверенитет внутри страны, никого при этом не обидев.

Сама идея построения суверенной процедуры власти, даже на собственной территории, уже нарушает интересы других суверенов – и вовсе не потому, что они маниакально озабочены контролем над всем и вся. Все дело в том, что такая процедура и такая власть в современном мире являются не только ценностью, но и оружием уже сами по себе.

В качестве яркого примера можно вспомнить то, что происходило вокруг празднования шестидесятилетия Победы в мае 2005 года. События, связанные с этой датой, – в каком-то смысле ответ на путинскую заявку проекта «суверенной демократии». Само празднование 9 Мая было символическим выражением этой идеи. Победа в Великой Отечественной войне – единственное бесспорное основание российского национального мифа.¹¹ Поэтому атака на представление о войне, попытка моральной ревизии ее итогов, есть атака на существование России как целого, автономного и внутренне единого суверенного пространства. Это несущая опора, после обрушения которой непонятно, что объединяет всех граждан России на ее огромном пространстве. Тезис о том, что мы собрались вместе только для того, чтобы строить тот или иной режим (демократию, монархию, авторитаризм и т. д.) («остров Россию») никого не убеждает. А вот когда на вопрос о том, зачем мы вместе, следует ответ, что «мы – нация, освободившая мир от фашизма», – это понятно. Соответственно, как только оказывается, что мы никого ни от чего не освободили, а, напротив, оккупировали, в то время как войну выиграли союзники, это означает, что никакого суверенитета нет. Это игра на добивание.

ЯДЕРНЫЙ СУВЕРЕНИТЕТ

РОСТ ЧИСЛА СУВЕРЕННЫХ ГОСУДАРСТВ в процессе освобождения народов мира от колониальной зависимости был и остается, по сути, девальвацией суверенитетов. Чем больше суверенных государств, тем меньший вес имеет каждое из них. В связи с этим уже общим местом стала идея о том, что «реальный», то есть абсолютный, суверенитет – это суверенитет ядерный. Если государство обладает ядерным оружием, значит, оно является суверенным не только по форме, но и по сути. Если же государство ядерным оружием не обладает, то его суверенитет может оспариваться.¹²

На самом деле эту градацию (ядерный и неядерный) следует признать недостаточной. Существует еще и третий, более высокий «этаж» суверенитета, когда ядерный суверенитет обеспечивает не только автономию внутриполитического режима в той или иной стране, но и какое-то количество других режимов в ориентированных на ядерного суверена неядерных странах. По отношению к ядерному суверенитету Франции, являющемуся только французским, ядерный суверенитет США находится на более высоком этаже, так как является источником суверенитетов для десятков стран, непосредственно входящих в американскую систему. С другой стороны, суверенитет Испании или Японии существует лишь постольку, поскольку обеспечивается американским ядерным щитом. Соответственно такой суверенитет является не собственным, а делегированным: подобно тому, как римский папа в Средние века присылал из Рима короны королям тех или иных стран, так и сейчас признание того или иного режима со стороны США является одновременно взятием ответственности за обеспечение его суверенитета. Ядерным странам, безотносительно к тому, входят они в американскую систему или нет, дожидаться такого признания не обязательно. Но их самостоятельность распространяется только на них самих и больше ни на кого. Они не могут становиться

¹¹ В.В. Путин. Послание-2005. См. стр. 204

¹² В.В. Путин. Послание-2004. См. стр. 172

источником легальности других, внешних для себя режимов. Скажем, Пакистан и Израиль имеют бомбы – но из этого не следует, что их санкции достаточно для того, чтобы мир признал законное право афганского или ливанского режимов, если таковые сменятся и будут признаны этими ядерными державами. Таким образом, в современном мире существует три типа суверенитетов: делегированный (неядерный), собственный (ядерный) и абсолютный (т. е. обладающий правом делегирования суверенитета другим).

В современном мире существует три типа суверенитетов: делегированный (неядерный), собственный (ядерный) и абсолютный (т. е. обладающий правом делегирования суверенитета другим).

Архитекторы нынешней миросистемы, члены «ялтинской тройки», предполагали, что функцию гаранта всех без исключения национальных суверенитетов будет выполнять ООН. Но ООН так и не стала самостоятельной системой, со временем превратившись в переговорную площадку, где крупнейшие ядерные суверены согласовывали свои позиции, добиваясь баланса интересов. Сегодня, когда не только статус, но и само будущее ООН является предметом дискуссии, она не выполняет даже роль переговорной площадки. Силовое обеспечение играет здесь не последнюю роль: архитекторы ООН (строившие что-то типа мирового правительства) предполагали, что подчиняющиеся ООН вооруженные силы станут наиболее мощными на планете, однако сегодня можно считать, что таких сил у организации попросту нет, так как «голубые каски» ООН не участвуют в боевых действиях. Иначе говоря, сегодня суверенитет «от ООН» – это не более чем ширма для каких-то других моделей суверенности. В первую очередь это справедливо для США. В то же время монопольным гарантом суверенитета многих постсоветских режимов все еще является Россия; есть в мире и другие «ядерные» гаранты.¹³ Нетрудно заметить, что в последнее время на роль такого же «сверхсубъекта» претендует и Евросоюз: тоже ядерный и вдобавок все менее зависимый от США.

¹³ В.В. Путин. Послание-2004. См. стр. 174–175

СМЕНА РЕЖИМА

Управление посредством делегирования суверенитета – это совсем не то же самое, что управление колониями. В решении текущих вопросов внутренней и даже внешней жизни государства с «делегированным» суверенитетом вполне самостоятельны. Фундаментальным ограничением для них является только одно: страна, являющаяся первоисточником суверенитета другой страны, всегда обладает принципиальной возможностью смены правящего режима и государственного строя в стране-сателлите.

Для реализации этой задачи можно использовать самые разные способы. Если речь идет о стране – союзнице по военному блоку, то проще всего договориться на жестких условиях с лидерами вновь пришедшей к власти партии; никаких других действий предпринимать уже не нужно. В странах с не столь «идейно близкими» режимами есть варианты. Если режим достаточно мягкий, наиболее предпочтительной становится поддержка усилий действующей политической оппозиции по взятию власти любым путем («бархатная революция»). Если режим жесткий и не дает развернуться оппозиции, то выбор делается в пользу «гуманитарной бомбардировки» (как в Ираке). Иногда возможна комбинация первого и второго (как в Югославии).

Со страной, обладающей собственным ядерным суверенитетом, такие вещи делать куда сложнее. Риски «бархатной революции» вырастают в разы, если не на порядки: в ситуации хаоса, который может длиться неделями и месяцами, далеко не факт, что не найдется отчаянная голова для того, чтобы воспользоваться ядерной кнопкой для удара по какому-нибудь «врагу». Военная интервенция с еще большей вероятностью превращается в ядерную войну. Степень успешности жестких переговоров с правящим режимом оказывается в зависимости лишь от одного фактора – уровня экономической несамостоятельности данной страны, который в общем-то далеко не всегда оказывается критическим даже в условиях глобализированной экономики: просто потери от тех или иных экономических ограничений несет не кто-то один, а все сразу (что тоже не сахар).¹⁴

Возможность построить демократическую систему, где справедливо решается вопрос о власти, есть возможность сохранить свободу и независимость.

В общем, понятие «ядерного суверенитета» позволяет на многое смотреть по-другому. Например, оно позволяет переосмыслить взгляд на мотивы того же Ким Чен Ира. Далеко не всегда целью северокорейской «ядерной игры» является гарантия безопасности существующего режима от внешней агрессии. Вполне возможно, что чучхейское руководство посредством бомбы пытается защитить себя не только от войны, но и от попыток инспирирования какой-нибудь «оранжевой перестройки» по восточноевропейскому сценарию, ведь эта угроза в их условиях, а они живут, напомним, в режиме «Берлинской стены» – более чем реальна. «Вы несете нам „свободу“? А вот у нас теперь есть кнопка – и что с нею будет, когда эта самая „свобода“ у нас предъявит свои революционные права на власть?» – так тоже можно понять месседж младшего Кима. Разумеется, все это работает при условии, что есть воля «в случае чего» все же нажать на ядерную кнопку.

Таким образом, в повестке дня стоит позитивная задача построения демократии, которая станет основанием суверенитета, где вопрос о смене власти в России решает не Вашингтон, посредством революционных технологий, а сами граждане России. Возможность построить демократическую систему, где справедливо решается вопрос о власти, есть

¹⁴ В.В. Путин. Послание-2004. См. стр. 154

возможность сохранить свободу и независимость. Демократия – несмотря на всю важность ее процессуальной стороны – гораздо шире, чем проведение регулярных всеобщих выборов. Несмотря на важность формальных демократических процедур (несменяемость власти при сохранении процедуры выборов часто является признаком отсутствия политики; а там, где нет политики, появляются полицаи), они – продукт исторического творчества Запада, а не внеисторическая необходимость. Заимствование этой формы является не целью, а механизмом, от которого зависит возможность автономного решения вопроса о власти.

УКРАИНСКИЙ КАЗУС: источник ВЛАСТИ

Украина, как известно, декларированно «безъядерная» страна. В переводе на современный язык суверенитетов это означает табличку с надписью «Продается. Недорого». Иначе говоря, это такое государство, которое не может существовать без внешнего источника легальности своего режима – того или иного «абсолютного» суверенитета.

В этом контексте оранжевые заклинания про «европейскую интеграцию» и «демократический выбор» оказываются теми ритуальными формулами, которыми оказывается обставлен реальный процесс – процесс смены источника делегированного суверенитета. Тот выбор, который стоял перед украинцами осенью 2004 года, на языке XIII века понимался бы как княжеский выбор между короной от папы и ярлыком от хана; и они его сделали как раз в духе Даниила Галицкого. Но в данном случае важны не исторические параллели, а поражение попытки Владимира Путина сделать Россию гарантом легальности действующего украинского режима и его базовых процедур.¹⁵

Ключевой момент киевской драмы – ситуация, когда главы государств, входящих в российскую ядерную систему, начали присылать поздравления с победой Виктору Януковичу, и тот попытался их предъявить за «круглым столом» европейским посредникам как доказательство своей легитимности. Как мы помним, эта попытка была отвергнута. В свою очередь, европейские организации раньше всех опубликовали признание победы Виктора Ющенко в «третьем туре». Этим они произвели верификацию законности процедуры, то есть фактически санкционировали передачу власти.

Собственно, реальная конкуренция в украинском случае была не по поводу того, «чья» коалиция победит, а по поводу того, кто извне санкционирует саму процедуру голосования. В тот момент конкуренция была еще персонифицирована (у каждой из сил было свое видение легальности процедуры), но в дальнейшем вопрос о том, кто победит, уже не будет играть никакой роли. В Польше, скажем, экс-революционера Л. Валенсу некогда победил социалист Квасьневский, но это ровным счетом ничего не изменило: государство обречено оставаться в орбите той системы, которая санкционировала процедуру прихода А. Квасьневского к власти. Примерно то же самое случилось в Молдавии с коммунистом В. Ворониным. В качестве внутрироссийского примера можно вспомнить любого «красного губернатора» ельцинской эпохи: все они были избраны от оппозиции, но по ельцинским правилам и потому не стали реальной оппозицией.

Реальная, базовая власть находится не там, где кабинет «под орлом», а там, где находится источник легитимности процедуры прихода в этот самый кабинет.

В этом смысле базовая власть в России – это не Путин, а маленький черный чемоданчик, который за ним носят верные присяге офицеры. Наверное, на языке московской монархии он бы и назывался собственно державой – символ мира, удерживаемого в длани правителя.

¹⁵ В.В. Путин. Послание-2005 См. стр. 204

ЧАСТЬ ВТОРАЯ ДЕМОКРАТИЯ

СОБСТВЕННАЯ МОДЕЛЬ

Автономность в современном мире возможна именно и только не как присоединение к кому-либо, не как адаптация чужой модели, а как претензия на создание новой модели, противопоставление себя другим. Создание собственной уникальной модели автоматически выводит ее на глобальный рынок моделей в качестве конкурента другим моделям. Сама претензия на создание модели является вызовом, и риторика в жанре «мы ничего не хотим» здесь не работает, потому что в эти слова никто не верит. Создание модели для себя – это одновременно и создание модели для других. Она воспринимается не только в качестве возможного образца, но и реального конкурента. Тем самым попытка построения суверенной демократии в России напрямую угрожает чужим национальным интересам. Именно поэтому чисто оборонительная стратегия здесь оказывается заведомо уязвимой.

Однако Путин долгое время придерживался именно такой стратегии, пытался защититься от врагов линией «стратегической обороны». Слабость и проблема путинской идеи суверенитета в том, что она не указывала, кого надо обидеть. Занявший противоположную позицию М. Саакашвили был более талантливым и удачливым имитатором Путина. Он сказал именно то, чего американцы после событий 11 сентября 2001 года подсознательно ждали от Путина: желание выполнять некую демократическую миссию. Путин должен был объявить себя партнером США по антитеррористической коалиции; не грузинская молодежь из «Кмары» должна была формировать палаточные лагеря сторонников оранжевой революции в Крыму, а «Идущие вместе». Вместо этого Путин, следуя своей логике суверенитета, работает с режимами Акаева и Каримова, несмотря на то что они, в силу клановой конструкции, заведомо антинародны.

В последнем послании Путина видно, как постепенно «ломается» идея геостратегической обороны страны, превращается в какую-то другую идею. Главное, что пропадает в этой идее, – стабильность. Более того, президент дал понять, что стабильность отныне является проблемой. В политику возвращается идея экспансии.¹⁶ Но в послании 2001 года формула стабильности была расшифрована как то, что «не будет ни революций, ни контрреволюций». Значит, теперь они будут? Да; отныне разрешены как революция, так и контрреволюция. Более того, одним из первичных источников трансформации является сама власть.

Кроме того, в последнем послании есть прямая заявка на трансграничный характер этих изменений. Она содержится во фразе о том, что цивилизаторская миссия России на евразийском пространстве будет продолжена. Это означает, если буквально понимать цивилизаторскую миссию, что теперь возможно и из России будут помогать революционерам расставлять палатки и присылать пособия, как организовать ненасильственную акцию возле административного корпуса. А может, и наоборот – учить полицейских, как подавлять «ненасильственные акции». Но вероятнее всего – и то, и другое сразу.

Президент дал понять, что стабильность отныне является проблемой.
В политику возвращается идея экспансии.

¹⁶ В.В. Путин. Послание-2005. См. стр. 205

В то же время это все еще недодуманная, недокрученная, недопроявленная доктрина. Именно эта ее незавершенность стала причиной неудачи российской политики на Украине. В общем-то Россия нарушила свое же старое правило, когда вмешалась. Скорее всего В. Янукович это чувствовал, а возможно, даже понимал. Именно поэтому он был главным противником бело-синего майдана и сделал все, чтобы такого не возникло. Сейчас, задним числом, хорошо понятно, что он был прав. Логика войны майданов – это та логика, в которой нуждался его противник. Действие, продиктованное противником, всегда ведет к поражению: потому что он опередил тебя в развертывании сил, потому что обладает более адаптированными технологиями и вообще потому что ты играешь по его правилам, тем самым признавая за ним право задавать правила.

В том, что касается существа предлагаемой модели государства Россия, рассматриваемые Послания дают богатый материал для анализа. Риторика государства как системы, оказывающей первичные услуги, присутствует в посланиях Путина постоянно, в том числе она воспроизводится и в четвертом, и в пятом послании. Источником этой риторики является модель, позволяющая описывать государство как корпорацию. Изначально такое определение имело характер сознательной редукции. По аналогии с корпорацией, теоретики редуцируют функции власти до осуществления услуг по обеспечению безопасности, социальных стандартов, общих правил, системы основных коммуникаций и ит.д. проведению разного рода мероприятий. Другими словами, они сводят деятельность государства к набору услуг, которые оно оказывает людям, получая за это свои деньги из налогов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.